

Е. Д. Николаева

Псковский государственный университет, г. Псков, Россия

E-mail: evdokiya@yandex.ru

МЕТАЭТНИЧЕСКАЯ НЕОДНОРОДНОСТЬ ГОРОДСКОГО И СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА И СРЕДНЕЙ АЗИИ В 1939–1970 ГОДАХ

В этнодемографической истории Казахстана и Средней Азии периоду между переписями населения 1939 и 1970 гг., и особенно с 1939 по 1959 гг., уделяется повышенное внимание, что связано со значительным миграционным потоком в этот регион, особенно в военное время и период освоения целины. Целью исследования является оценка изменения неоднородности структуры городского и сельского населения на метаэтническом уровне (с разбивкой населения на коренное и некоренное) по административно-территориальным единицам Казахстана и республик Средней Азии в межпереписные периоды с 1939 по 1959 гг. и с 1959 по 1970 гг. В качестве основных методов исследования выступают статистический и картографический. При этом используется методика, предложенная в процессе разработки концепции этноконтактных зон, суть которой заключается в оценке этнодемографической динамики с помощью выделения фаз и стадий развития этноконтактных зон. На протяжении всего периода исследования более высоким уровнем метаэтнической неоднородности характеризовались административно-территориальные единицы Казахстана, более низким — республик Средней Азии. Это касалось как городского, так и сельского населения. На большей части территории Казахстана метаэтническая неоднородность сельского населения была выше, чем городского. В республиках Средней Азии (кроме севера Киргизии) в большей мере неоднородными в метаэтническом плане были городские поселения. С 1939 по 1970 гг. Казахстан и Средняя Азия пережили перелом в этнодемографических процессах, связанный с переходом от роста удельного веса некоренного населения к увеличению доли коренных народов региона. При этом, если данный перелом на метаэтническом уровне в сельской местности обозначился уже в период с 1939 по 1959 гг., и полностью завершился к 1970 г., то в городских поселениях на большей части территории региона проявил себя только после 1959 г.

Ключевые слова: этническая мозаичность, метаэтнические группы, коренные народы, некоренное население, этноконтактные зоны.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта № 23-17-00005 «Этноконтактные зоны на постсоветском пространстве: генезис, типология, конфликтогенность».

Для цитирования: Николаева Е. Д. Метаэтническая неоднородность городского и сельского населения на территории Казахстана и Средней Азии в 1939–1970 годах // Псковский регионологический журнал. 2024. Т. 20. № 4. С. 102–120. DOI: <https://doi.org/10.37490/S221979310031931-7>

E. D. Nikolaeva

Pskov State University, Pskov, Russia

E-mail: evdokiya@yandex.ru

META-ETHNIC HETEROGENEITY OF THE URBAN AND RURAL POPULATION IN KAZAKHSTAN AND CENTRAL ASIA IN 1939–1970

In the ethnodemographic history of Kazakhstan and Central Asia, the period between the censuses of 1939 and 1970, and especially from 1939 to 1959, is given increased attention, which is associated with a significant migration flow to this region, especially in wartime and the period of virgin lands development. The objective of the study is to assess the change in the heterogeneity of the structure of the urban and rural population at the meta-ethnic level (with a breakdown of the population into indigenous and non-indigenous) by administrative-territorial units of Kazakhstan and the republics of Central Asia in the intercensal periods from 1939 to 1959 and from 1959 to 1970. The main research methods are statistical and cartographic. In this case, the methodology proposed in the process of developing the concept of ethnic contact zones is used, the essence of which is to assess the ethnodemographic dynamics by identifying the phases and stages of development of ethnic contact zones. Throughout the study period, administrative-territorial units of Kazakhstan were characterized by a higher level of meta-ethnic heterogeneity, while the Central Asian republics were characterized by a lower level. This concerned both the urban and rural populations. In most of Kazakhstan, the meta-ethnic heterogeneity of the rural population was higher than that of the urban population. In the Central Asian republics (except for the north of Kyrgyzstan), urban settlements were more meta-ethnically heterogeneous. From 1939 to 1970, Kazakhstan and Central Asia experienced a turning point in ethnodemographic processes associated with the transition from an increase in the proportion of non-native population to an increase in the share of indigenous peoples of the region. Moreover, if this turning point at the meta-ethnic level in rural areas was already evident in the period from 1939 to 1959 and was completely completed by 1970, then in urban settlements in most of the region it manifested itself only after 1959.

Keywords: ethnic mosaic, meta-ethnic groups, indigenous peoples, indigenous population, ethnic contact zones.

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Science Foundation within project No. 23-17-00005 “Ethnic contact zones in the post-Soviet space: genesis, typology, conflict potential”.

For citation: Nikolaeva E. D. (2024), Meta-ethnic heterogeneity of the urban and rural population in Kazakhstan and Central Asia in 1939–1970, *Pskov Journal of Regional Studies*, vol. 20, no. 3, pp. 102–120. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.37490/S221979310031931-7>

Введение. В этнодемографической истории Казахстана и Средней Азии периоду между переписями населения 1939 и 1970 гг., и особенно с 1939 по 1959 гг., уделяется несравненно большее внимание, чем другим десятилетиям советской власти. Причиной этого являются значительные передвижения населения в этот регион, связанные с эвакуацией в годы Великой Отечественной войны, размещением в Казахстане и республиках Средней Азии в этот же период целого ряда депортированных народов, массовыми миграциями в годы освоения целинных и залежных земель (1954–1960 гг.).

Миграции населения наиболее сильно повлияли на этнодемографические процессы в Казахстане, сильно изменив его национальный состав населения. Так, миграционным потокам в Казахстан в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период посвящены работы [12; 13; 15; 28], более широкий временной интервал (с 1926 по 1959 гг.) в этом плане рассмотрен в монографии Л. Н. Игнатьевой [14], а также в статьях [11; 30]. Миграциям в период освоения целины посвящены работы [2; 18], демографическим процессам в регионе во второй половине XX в. — [3; 5; 9] и др. Не меньше внимания уделяется изучению городов в регионе, этапов их развития [6; 32], влиянию советской власти на урбанизацию [1; 8], и связанные с этим процессом проблемы развития [23].

В целом ряде исследований рассмотрены вопросы динамики численности титульных народов Казахстана и республик Средней Азии [21], трансформации этнической структуры населения как в пределах всего региона [20; 22; 31], так и его отдельных республик ([4; 10; 17] и др.). Однако слабоизученным остаётся вопрос о территориальных различиях в этнической мозаичности (сложности этнической структуры) городского и сельского населения Казахстана и Средней Азии по итогам переписей населения 1939, 1959 и 1970 гг., и тенденциях в её изменении между переписями населения.

Целью исследования является оценка изменения неоднородности структуры городского и сельского населения на метаэтническом уровне (коренное/некоренное население) по административно-территориальным единицам Казахстана и республик Средней Азии в межпереписные периоды с 1939 по 1959 гг. и с 1959 по 1970 гг.

В качестве **информационной базы** исследования выступают итоги Всесоюзных переписей населения 1939, 1959 и 1970 гг. на уровне административно-территориальных единиц Казахстана и республик Средней Азии, представленные на сайте Population statistics of Eastern Europe & former USSR¹.

Методика исследования. Исследование проведено с опорой на методику, более подробно описанную автором в работе [24]. Ключевой показатель, на которой базируется данная методика, — индекс этнической мозаичности (ИЭМ), расчёт которого и возможности его применения в этнической географии и этнодемографии представ-

¹ Population statistics of Eastern Europe & former USSR. [Электронный ресурс]: URL: <http://pop-stat.mashke.org/> (дата обращения: 10.07.2024).

лены в статье Б. М. Эккеля [30]. Но при этом используется предложенный С. А. Гороховым [7] модифицированный вариант этого показателя, интервал значений которого укладывается от 0 до 1. Также у обозначенного автора взята шкала значений индекса, которая позволяет выделить четыре категории территорий по степени этнической гомогенности/гетерогенности.

В ходе разработки концепции этноконтактных зон (ЭКЗ) ИЭМ был применён для отделения ЭКЗ от моноэтнического ядра (однонациональных территорий) и определения степени выраженности ЭКЗ [19]. В соответствии со шкалой значений индекса, представленной С. А. Гороховым [7], предложено выделять ЭКЗ: 1) наиболее ярко выраженные (при величине индекса выше 0,82); 2) ярко выраженные (в интервале значений индекса от 0,557 до 0,82); 3) неярко выраженные (от 0,28 до 0,556). Территории с величиной индекса менее 0,28 рассматриваются как гомогенные в этническом плане (или моноэтнические).

Однако в статье ИЭМ рассчитан для двух метаэтнических общностей, в качестве которых выступают коренные и некоренные народы региона исследования. Опираясь на опыт предшественников, апробировавших индекс мозаичности, рассчитанный для двух метаэтнических групп [19], данный показатель автором было предложено назвать модифицированным индексом метаэтнической неоднородности (МИМЭН) [24]. Причём, МИМЭН рассчитывался отдельно для городского и сельского населения административно-территориальных единиц (АТЕ) региона исследования, а затем находилась разность между ними в каждой АТЕ. Данная методика была опробована автором в статье [25].

Кроме того, в статье используется методика выделения фаз и стадий развития ЭКЗ, предложенная разработчиками одноимённой концепции [16; 26; 27]. Последние, в зависимости от положительной или отрицательной динамики индекса, выделяют две фазы развития ЭКЗ («роста» и «растворения»), каждая из которых делится на две стадии (начальную/завершающую и основную). Но с учётом того, какая из метаэтнических общностей испытывает рост доли в структуре всего населения, выделяется две «волны»: 1) «коренизации» (при увеличении доли коренных народов) и 2) «декоренизации» (при уменьшении доли коренного населения) [26].

Опираясь на использованную в статье градацию МИМЭН, в каждую из фаз добавлено ещё по одной стадии, и в итоге выделено шесть стадий развития ЭКЗ: 1) начальная (нулевая) стадия роста контактности (пока МИМЭН не превысил 0,28); 2) стадия роста контактности (МИМЭН от 0,28 до 0,82); 3) стадия завершения роста контактности (МИМЭН от 0,82 до 1); 4) начало растворения ЭКЗ (падение МИМЭН до 0,82); 5) стадия растворения ЭКЗ (уменьшение МИМЭН от 0,82 до 0,28); 6) завершение растворения ЭКЗ (если величина МИМЭН стала менее 0,28) [24].

Результаты исследования. По итогам Всесоюзной переписи населения 1939 г. на территории Казахстана и Средней Азии проживало 16,6 млн чел., при этом русские составляли 23,2 % населения, уступая по численности в регионе только узбекам (около 29 %). Третью позицию занимали казахи (16,4 %), четвёртую — таджики (7,4 %), пятую — украинцы (5,45 %), шестую — киргизы (5,3 %), седьмую — туркмены (4,8 %), восьмую — каракалпаки (1,1 %). В структуре городского населения (24,6 % от всех жителей

региона в 1939 г.) русские составляли почти половину, точнее, 47,3 %, доля узбеков была почти в три раза меньше — 17,3 %. Но в сельском населении русские занимали только третью позицию (15,3 %) после узбеков (32,8 %) и казахов (18,3 %). Представительство наиболее многочисленных народов во всём населении региона, его городском и сельском населении представлено на рисунке 1.

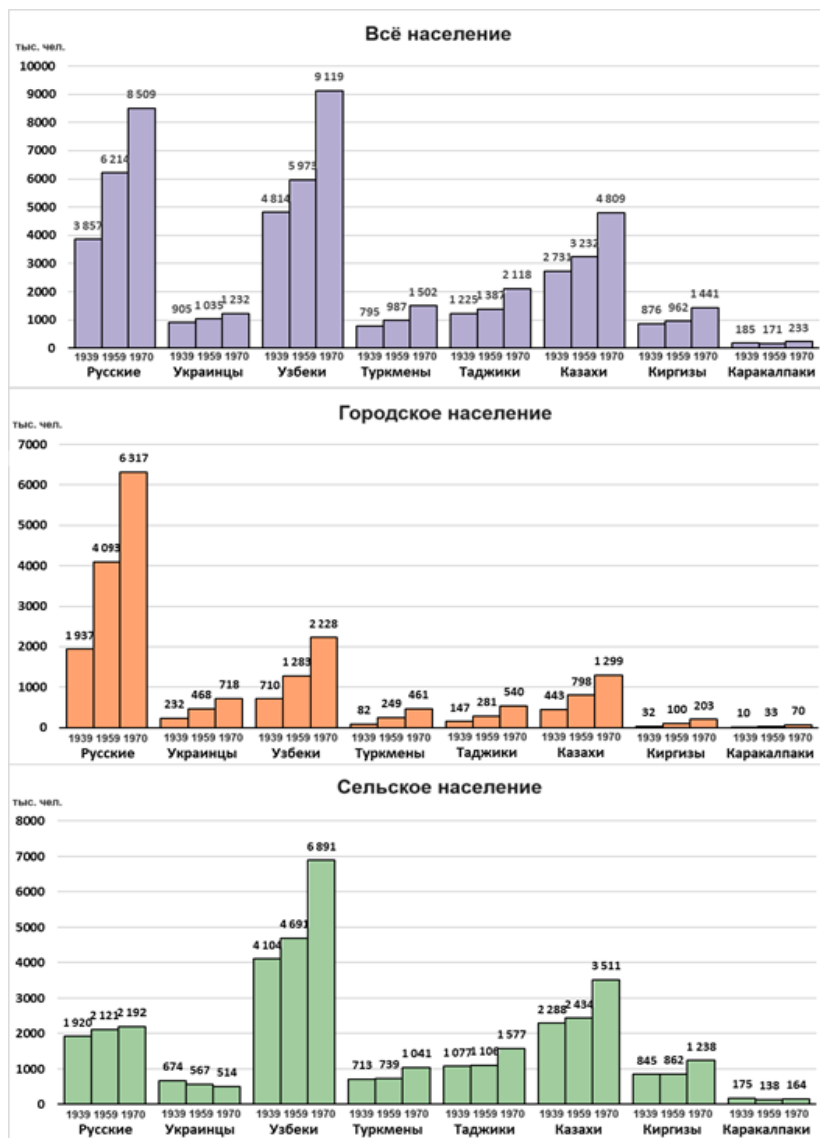

Рис. 1. Численность наиболее крупных народов Казахстана и Средней Азии, в т. ч. в городском и сельском населении по итогам переписей 1939, 1959 и 1970 гг.

Fig. 1. The number of the largest peoples of Kazakhstan and Central Asia, including the urban and rural population, according to the results of the censuses of 1939, 1959 and 1970

По итогам переписи населения 1939 г. была рассчитана величина модифицированного индекса метаэтнической неоднородности (между двумя основными группами населения — коренными и некоренными жителями региона исследования) (рис. 2). В число коренных народов Казахстана и Средней Азии, для сопоставимости с другими временными интервалами исследования (например, периодом с 1970 по 1989 гг. [24]), были включены узбеки, казахи, таджики, киргизы, туркмены, каракалпаки и уйгуры. Коренные народы в 1939 г. составляли 64,5 % населения региона.

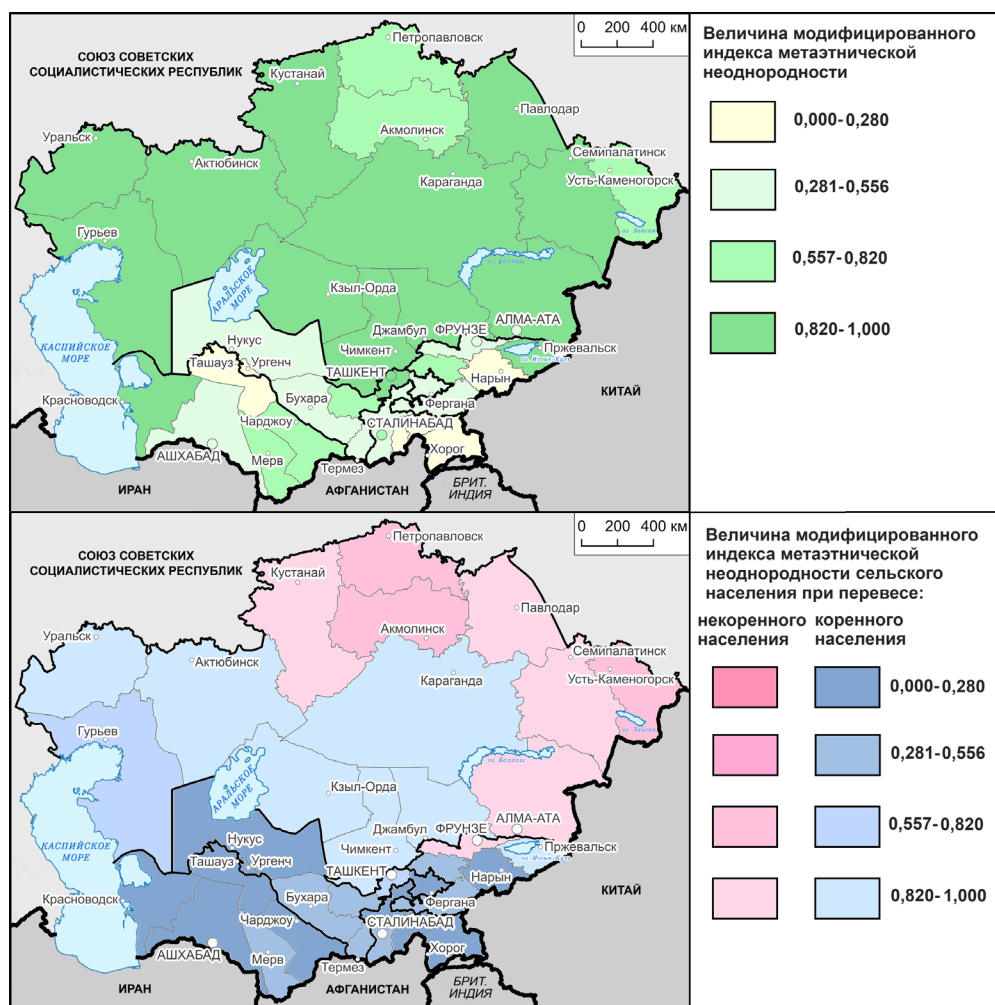

Рис. 2. Величина модифицированного индекса метаэтнической неоднородности на уровне административно-территориальных единиц Казахстана и Средней Азии в целом, а также в их сельской местности по итогам переписи населения 1939 г.

Fig. 2. The value of the modified index of meta-ethnic heterogeneity at the level of administrative-territorial units of Kazakhstan and Central Asia as a whole, as well as in their rural areas according to the results of the 1939 population census

Крайне гетерогенные в метаэтническом плане территории (наиболее ярко выраженные ЭКЗ) покрывали почти всю территорию Казахстана и запад Туркмении. Гомогенные в метаэтническом отношении территории образовывали «островки» в наиболее горной (в Киргизии и Таджикистане) и пустынной (в Туркмении) частях региона. Остальные территории занимали промежуточное положение по величине индекса, т. е. представляли собой ярко и неярко выраженные ЭКЗ метаэтнического уровня. Так как в 1939 г. три четверти населения региона составляли сельские жители, МИМЭН для всего населения был ближе к величине индекса, рассчитанного для сельского населения административно-территориальных единиц (см. рис. 2).

В северных и восточных областях Казахстана в сельском населении был перевес некоренных народов региона, в западных и южных — небольшое преобладание коренного населения. На территории республик Средней Азии, за исключением севера Киргизии, в сельском населении явно превалировали коренные народы. Сельская местность здесь была почти везде гомогенной в метаэтническом плане, или же близка к этому.

Принципиально иная картина сложилась в городских поселениях региона, в которых в подавляющем большинстве административно-территориальных единиц региона наблюдался перевес некоренных народов (рис. 3). Минимальный перевес коренных народов в городском населении характеризовал только земли на западе (пустыни на побережье Каспийского моря и к югу от Аральского моря) и юго-востоке региона (горы Таджикистана и Киргизии, а также Ферганскую долину).

Также на рисунке 3 представлены результаты расчёта разности между МИМЭН городского и сельского населения региона исследования. На большей части территории Казахстана метаэтническая неоднородность сельского населения была выше, чем городского. Это было связано с тем, что в городах здесь явно преобладало некоренное население (в большей степени русское и украинское), в то время как на внегородских территориях в структуре населения не было явного перевеса коренных или некоренных народов, что и предопределяло их метаэтническую неоднородность. С другой стороны, наибольший перевес метаэтнической неоднородности в пользу городского населения в республиках Средней Азии (кроме севера Киргизии) свидетельствует о том, что города здесь выступали как центры контакта метаэтнического уровня на фоне преимущественно этнически однородных внегородских территорий.

Всесоюзная перепись населения 1959 г. зафиксировала численность населения Казахстана и Средней Азии на уровне около 23 млн чел., т. е. на 6,4 млн чел. больше (или на 38 %), чем в 1939 г. Доля коренных народов в регионе уменьшилась с 64,5 до 55,7 %, доля русских выросла с 23,2 до 27 %. В итоге русские вышли на первое место по численности среди народов региона, обойдя узбеков (26 %). Также немного уменьшилась доля других коренных народов региона и украинцев, т. е. темпы роста их численности были ниже, чем русского населения (см. рис. 1).

Уровень урбанизации в регионе вырос с 24,6 до 38,5 %. В городском населении доля коренных народов продолжала снижаться (с 35,25 % в 1939 г. до 31,3 % в 1959 г.), но удельный вес некоренного населения среди горожан рос не только за счёт русского населения, доля последних даже снизилась с 47,3 до 46,3 %. В сельском населении

региона также произошло уменьшение доли коренных народов (с 74,1 до 71 %). При этом русские здесь сохранили третью позицию (15 %) после узбеков (33,2 %) и казахов (17,2 %).

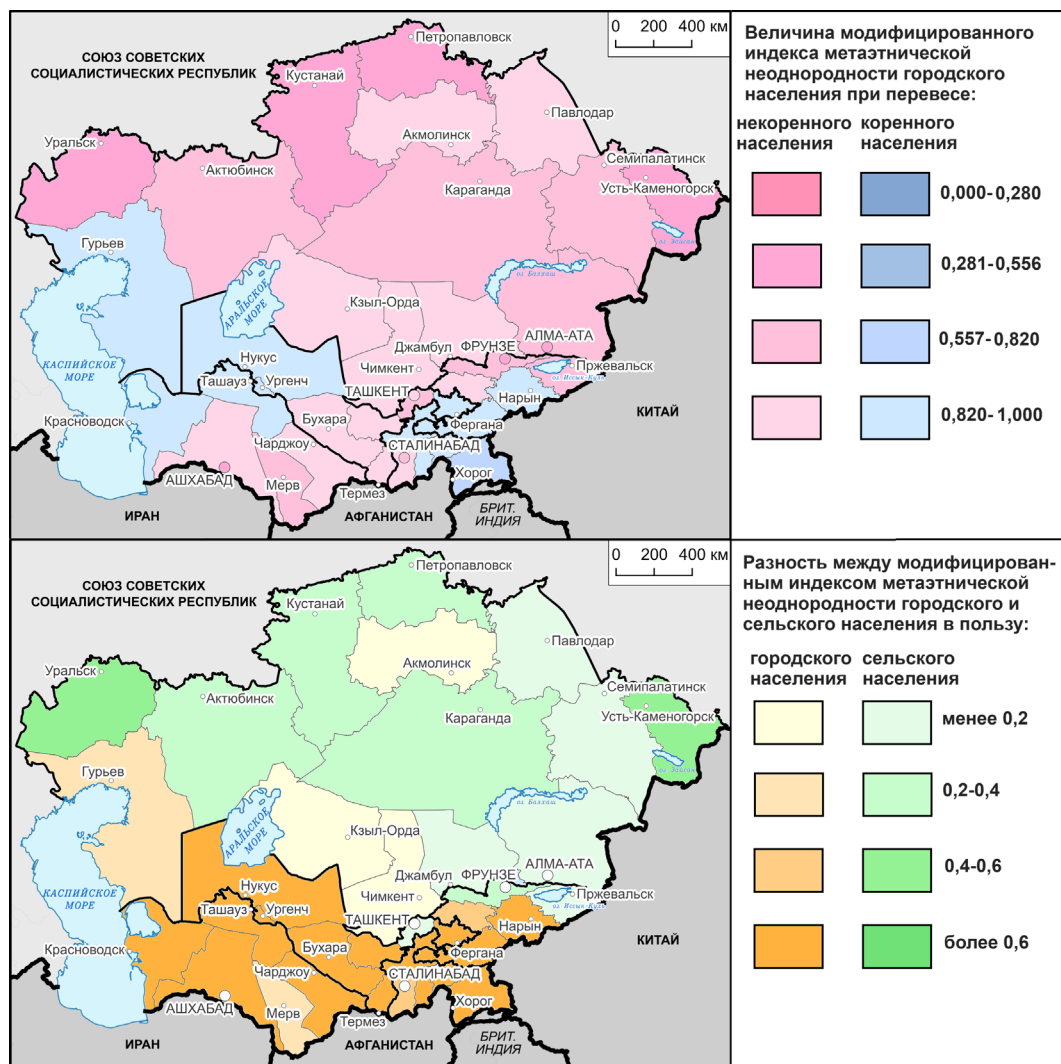

Рис. 3. Величина модифицированного индекса метаэтнической неоднородности в городских поселениях и разность между индексами, рассчитанными для городского и сельского населения административно-территориальных единиц Казахстана и Средней Азии по итогам переписи населения 1939 гг.

Fig. 3. The value of the modified index of meta-ethnic heterogeneity in urban settlements and the difference between the indices calculated for the urban and rural population of the administrative-territorial units of Kazakhstan and Central Asia based on the results of the 1939 population census

По итогам переписи населения 1959 г. были построены карты с величиной МИМЭН среди городского населения и разностью индекса между городским и сельским населением административно-территориальных единиц Казахстана и Средней Азии (рис. 4). По сравнению с 1939 г., в городских поселениях Казахстана ещё более увеличился перевес некоренных народов, и даже обозначились области с гомогенным в метаэтническом плане городским населением — Кустанайская, Северо-Казахстанская и Восточно-Казахстанская (главным образом, из-за доминирования здесь русского населения). Но на юге Казахстана выделилась область с перевесом в городском населении коренного народа — Кызыл-Ординская. Также заметно увеличилось количество таких областей в республиках Средней Азии.

Тем не менее, в целом не только сохранился, но и усилился контраст между севером и югом всего региона исследования по разности МИМЭН городского и сельского населения. Наибольший разрыв по степени метаэтнической неоднородности между городскими поселениями и сельском местностью в пользу последней наблюдался в Западно-Казахстанской и Восточно-Казахстанской областях. Такой же по величине разрыв, но в пользу городских поселений, характеризовал подавляющее большинство областей республик Средней Азии, а также Гурьевскую область Казахстана.

К следующей переписи населения, состоявшейся в 1970 г., численность населения региона исследования увеличилась на 9,8 млн чел. (на 42,7 %), составив 32,8 млн чел. При этом начала расти доля коренных народов, которая увеличилась в межпереписной период с 55,7 до 59,1 %. Удельный вес русских уменьшился с 27 до 25,9 %, и они вновь уступили первое место узбекам (27,8 %). Начала подтягиваться доля других коренных народов региона, а украинцев — продолжала снижение (с 4,5 % в 1959 г. до 3,8 % в 1970 г.), и они стали уступать по численности всем титульным народам республик Казахстана и Средней Азии (см. рис. 1). Таким образом, численность коренных народов региона исследования в этот межпереписной интервал стала расти быстрее, чем некоренного населения, включая русских и украинцев.

Доля городского населения в Казахстане и Средней Азии ещё более выросла, но не столь значительно, как в предыдущий период, — с 38,5 до 42,9 %. В городских поселениях удельный вес коренных народов увеличился с 31,3 до 34,5 %, а в сельской местности — с 71 до 77,6 %. В городском населении региона доля русских продолжала сокращаться — с 46,3 до 44,9 %, в сельском населении — с 15,0 до 11,7 %, а украинцев — с 5,3 до 5,1 % и с 4,0 до 2,7 % соответственно.

По итогам переписи населения 1970 г. были составлены карты, аналогичные тем, что были представлены по результатам переписей 1939 и 1959 гг. (рис. 5). В величине МИМЭН городских поселений Казахстана и Средней Азии не произошло принципиальных изменений. Но можно отметить переход Гурьевской области Казахстана в категорию территорий с перевесом в городских поселениях некоренного населения, и, наоборот, «коренизацию» городских поселений в ряде административно-территориальных единиц республик Средней Азии. Соответственно, лишь небольшие изменения произошли и в различиях МИМЭН городского и сельского населения.

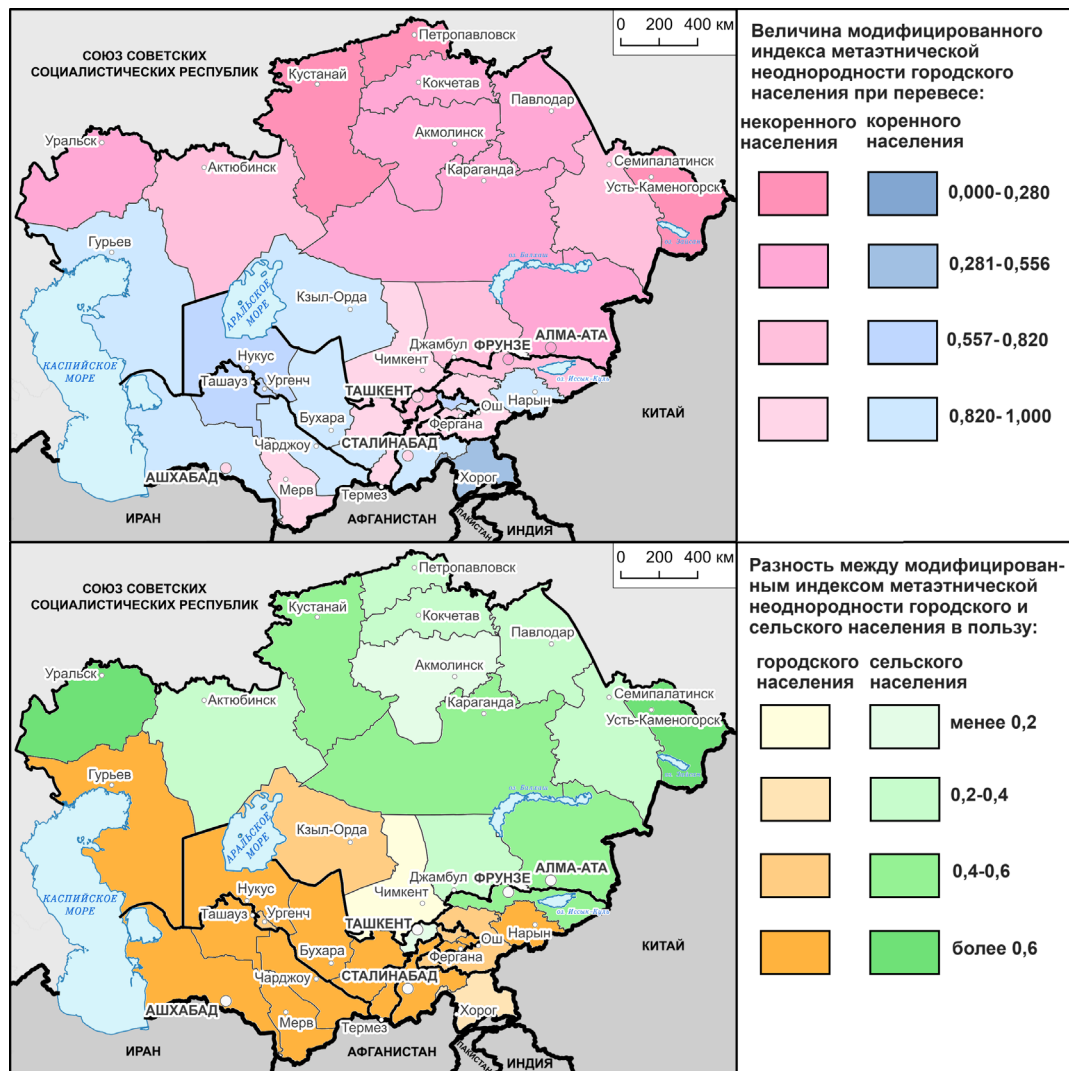

Рис. 4. Величина модифицированного индекса метаэтнической неоднородности в городских поселениях и разность между индексами, рассчитанными для городского и сельского населения административно-территориальных единиц Казахстана и Средней Азии по итогам переписи населения 1959 гг.

Fig. 4. The value of the modified index of meta-ethnic heterogeneity in urban settlements and the difference between the indices calculated for the urban and rural population of the administrative-territorial units of Kazakhstan and Central Asia based on the results of the 1959 population census

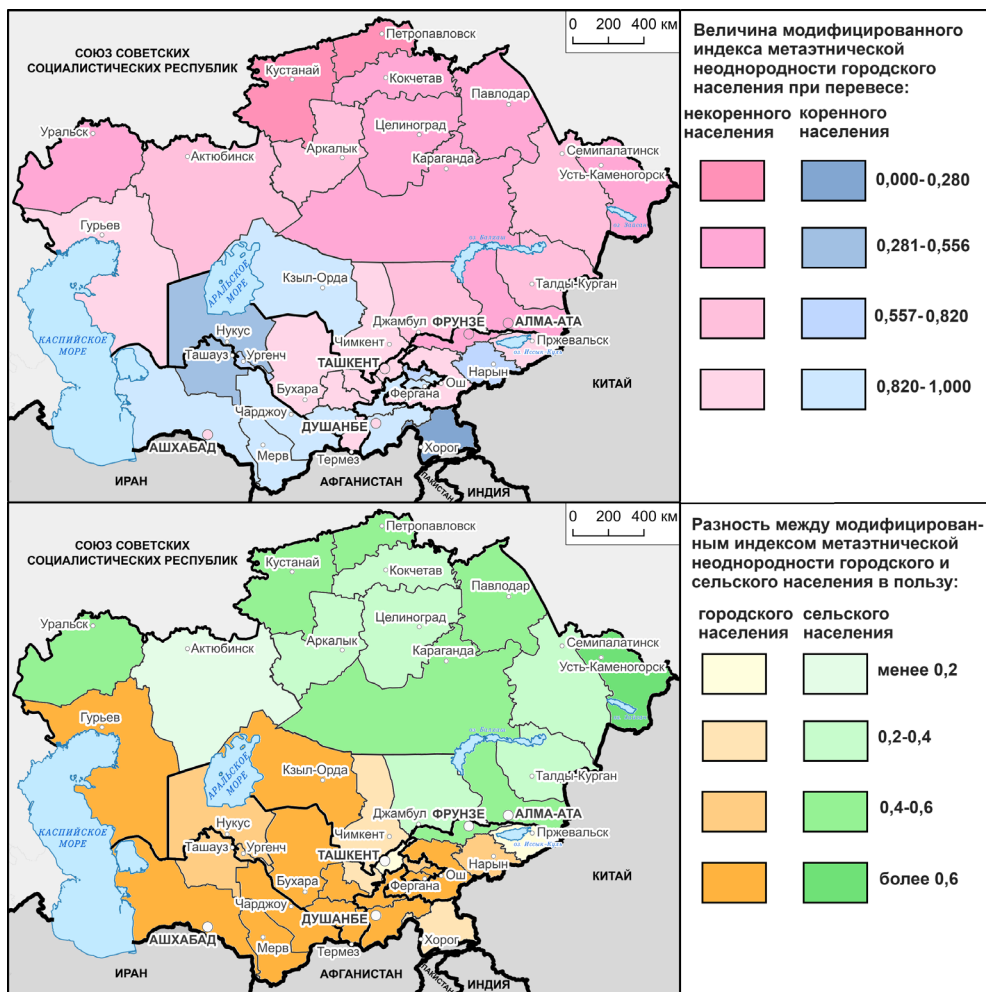

Рис. 5. Величина модифицированного индекса метаэтнической неоднородности в городских поселениях и разность между индексами, рассчитанными для городского и сельского населения административно-территориальных единиц Казахстана и Средней Азии по итогам переписи населения 1970 гг.

Fig. 5. The value of the modified index of meta-ethnic heterogeneity in urban settlements and the difference between the indices calculated for the urban and rural population of the administrative-territorial units of Kazakhstan and Central Asia based on the results of the 1970 population census

Но реально изменения, произошедшие в метаэтнической мозаичности городских поселений на территории Казахстана и Средней Азии в межпереписные периоды с 1939 по 1959 гг. и с 1959 по 1970 гг., можно проследить, опираясь на методику, с помощью которой выделены фазы и стадии развития ЭКЗ метаэтнического уровня в эти два временных интервала (рис. 6).

Рис. 6. Классификация административно-территориальных единиц Казахстана и Средней Азии по стадиям развития в городских поселениях контактных зон метаэтнического уровня в периоды с 1939 по 1959 гг. и с 1959 по 1970 гг. (в границах 1959 и 1970 гг. соответственно)

Fig. 6. Classification of administrative-territorial units of Kazakhstan and Central Asia by stages of development in urban settlements of contact zones of the meta-ethnic level in the periods from 1939 to 1959 and from 1959 to 1970 (within the borders of 1959 and 1970, respectively)

В период с 1939 по 1959 гг. в Казахстане преобладали территории, где городские поселения переживали стадию растворения ЭКЗ в пользу некоренного (в основном, русского и украинского) населения. При этом две области (Кустанайская и Восточно-Казахстанская) даже перешли к стадии полного растворения ЭКЗ метаэтнического уровня, т. е. в них стало явно преобладать некоренное население. Кроме Казахстана, территории с городскими поселениями, находящимися в фазе растворения ЭКЗ в пользу некоренного населения, находились также в Киргизии и Узбекистане. Также росла доля некоренных народов в городском населении Ферганской долины, но там она так и не достигла отметки в 50 %. В основном же в южной части региона, а именно, в остальных республиках Средней Азии и двух областях Казахстана (Гурьевской и Кызыл-Ординской) в городском населении наблюдался рост доли коренных народов. В городских поселениях целого ряда территорий здесь даже началось растворение ЭКЗ в пользу коренного населения.

В период с 1959 по 1970 гг. ситуация принципиально изменилась. Во-первых, резко сократилось количество областей, где в городских поселениях продолжалось растворение ЭКЗ в пользу некоренного населения. В городских поселениях большинства областей Казахстана началось развитие новых ЭКЗ метаэтнического уровня, но теперь уже при росте доли коренного населения. Другими словами, казахи стали активно мигрировать в города, повышая метаэтническую неоднородность населения последних, что свидетельствовало о начале процесса урбанизации среди коренного населения Казахстана. Во-вторых, в двух областях Казахстана (Гурьевской и Кызыл-Ординской), где в городских поселениях с 1939 по 1959 гг. росла доля коренных народов, ускорение урбанизации в период с 1959 по 1970 гг. было связано с более значительным притоком некоренного населения. В-третьих, почти во всех городских поселениях республик Средней Азии (за исключением Бухарской области Узбекистана) росла доля коренного населения, и они уже в большинстве перешли к растворению ЭКЗ в пользу коренных народов.

Схожие изменения в межпереписные периоды произошли и в динамике ЭКЗ метаэтнического уровня в сельской местности административно-территориальных образований Казахстана и Средней Азии (рис. 7). В период с 1939 по 1959 гг. в северной части региона исследования преобладали территории, где в сельской местности начиналось или шло в полной мере растворение ЭКЗ в пользу некоренного населения. В южной части региона, наоборот, сельские ЭКЗ находились в фазе растворения в пользу коренных народов.

В период с 1959 по 1970 гг. в Казахстане и Средней Азии остались лишь единичные «островки», где в сельской местности росла доля некоренного населения. Фактически весь регион исследования находился на волне «коренизации» сельских ЭКЗ метаэтнического уровня, в своей северной части — в фазе роста метаэтнической контактности, в южной части — в фазе растворения ЭКЗ, причём чаще в завершающей стадии растворения, когда происходит переход к гомогенной в метаэтническом плане территории (с явным преобладанием коренных народов).

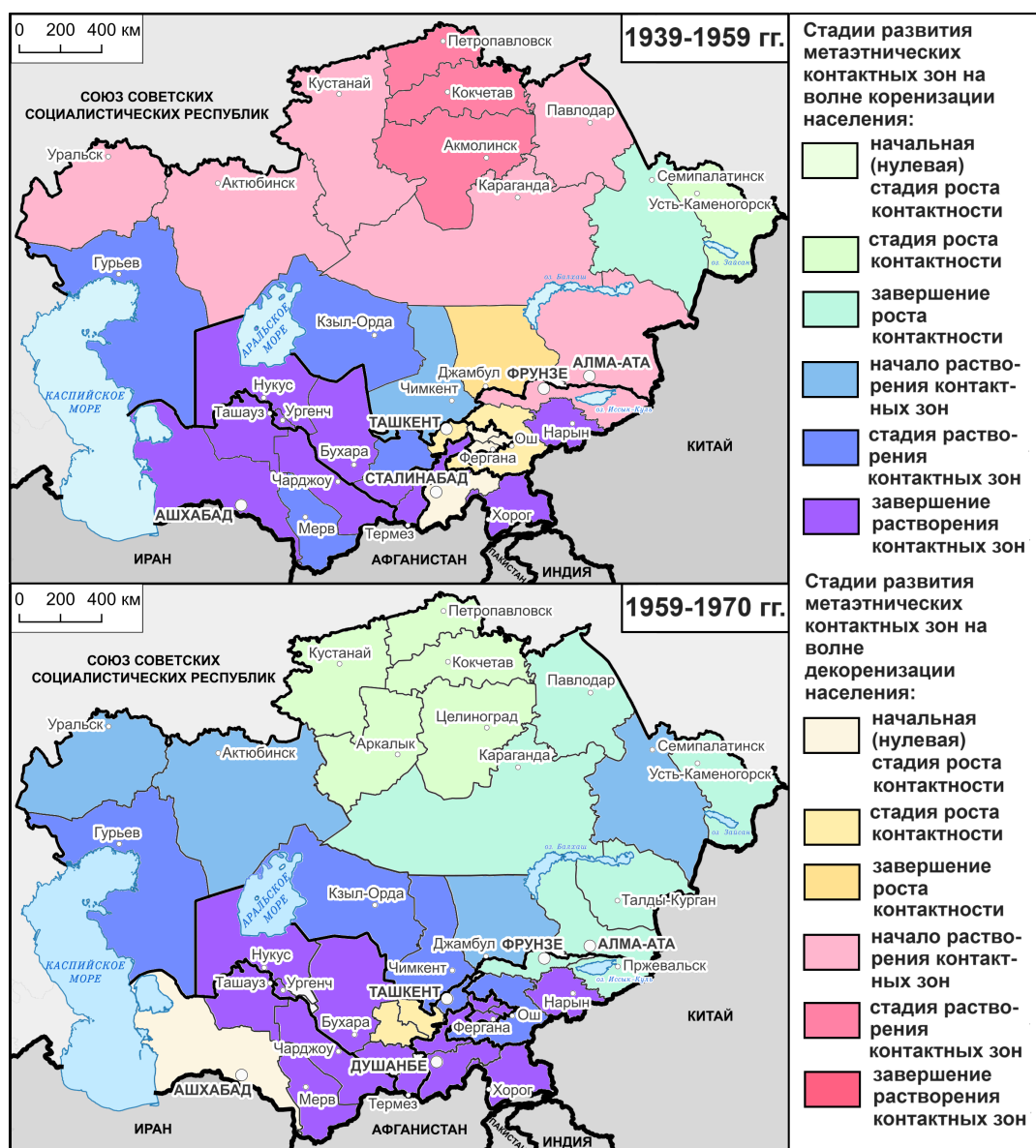

Рис. 7. Классификация административно-территориальных единиц Казахстана и Средней Азии по стадиям развития в сельской местности контактных зон метаэтнического уровня в периоды с 1939 по 1959 гг. и с 1959 по 1970 гг. (в границах 1959 и 1970 гг. соответственно)

Fig. 7. Classification of administrative-territorial units of Kazakhstan and Central Asia by stages of development in the countryside of contact zones of the meta-ethnic level in the periods from 1939 to 1959 and from 1959 to 1970 (within the borders of 1959 and 1970, respectively)

Таким образом, если коренной перелом в этнодемографических процессах на метаэтническом уровне (с разбивкой населения на коренные и некоренные народы) в городских поселениях на большей территории Казахстана и Средней Азии произошёл в межпереписной период с 1959 по 1970 гг., то в сельской местности такой перелом начался уже в период с 1939 по 1959 гг., и к 1970 г. полностью завершился. Данный перелом означал переход от преобладающего роста удельного веса некоренного населения за счёт его миграционного притока в Казахстан и Среднюю Азию к увеличению доли коренных народов региона как результата ускорения их демографического роста, замедления темпов естественного воспроизводства некоренных народов и их частичного миграционного оттока за пределы региона.

Выводы. На протяжении всего периода исследования (с 1939 по 1970 гг.) более высоким уровнем метаэтнической неоднородности (с разбивкой населения на две категории: коренных и некоренных жителей) характеризовались административно-территориальные единицы Казахстана, более низким — республик Средней Азии. Это касалось как городского, так и сельского населения региона исследования. В 1939 г. на большей части территории Казахстана метаэтническая неоднородность сельского населения была выше, чем городского. Это было связано с тем, что в городах здесь преобладало некоренное население, в то время как на внегородских территориях в структуре населения не было явного перевеса коренных или некоренных народов, что и предопределяло их метаэтническую неоднородность.

С другой стороны, в республиках Средней Азии (кроме севера Киргизии) в большей мере неоднородными в метаэтническом плане были городские поселения. Города здесь выступали как центры контакта метаэтнического уровня на фоне преимущественно этнически однородных внегородских территорий. Перепись населения 1959 г. показала, что обозначившийся ранее контраст по уровню метаэтнической неоднородности городского и сельского населения между севером и югом региона исследования не только сохранился, но и усилился. Следующая перепись населения, проведённая в 1970 г., не выявила принципиальных изменений в данной территориальной диспропорции.

Однако использование методики, которая позволяет оценить изменения метаэтнической неоднородности структуры городского и сельского населения с учётом динамики коренного и некоренного населения, позволило выявить временную разницу в этнодемографическом переломе, произошедшем в интервале с 1939 по 1970 гг. в пределах региона исследования. Данный перелом означал переход от роста удельного веса некоренного населения к увеличению доли коренных народов Казахстана и Средней Азии. Так, если перелом на метаэтническом уровне в сельской местности обозначился уже в период с 1939 по 1959 гг., и полностью завершился к 1970 г., то в городских поселениях на большей части территории региона проявил себя только после 1959 г.

Литература

1. Абдуразаков М. Ф. Влияние советской власти на процесс урбанизации в Казахстане (вторая половина XX в.) // Историческая демография. 2019. № 2 (24). С. 57–62.
2. Айдарбаева Р. К. Демографические последствия освоения целины в Казахстане // Политическое и социально-экономическое развитие Сибири и сопредельных территорий в 40-х — 90-х гг. XX века. Материалы Всероссийской научной конференции, посвящённой 90-летию со дня рождения советского государственного и политического деятеля Михаила Васильевича Карамая. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2019. С. 84–93.
3. Алексеенко А. Н., Аубакирова Ж. С. Население Казахстана в 50–80-е годы XX века: демографический взрыв и особенности этносоциальных эволюций // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2017. Т. 16. № 8. С. 127–142.
4. Алексеенко Н. В., Алексеенко А. Н. Население Казахстана за 100 лет (1897–1997 гг.). Усть-Каменогорск, 1999. 157 с.
5. Аубакирова Ж. С., Омырзак Т. Е., Столярова Э. О., Сарсембаева Г. А., Алексеенко А. Н., Кенжебаев Г. К. Демографическое развитие Казахстана во второй половине XX — начале XXI в.: противоречия и риски // Вопросы истории. 2022. № 10–2. С. 186–197. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202210Statyi50>.
6. Ахатова Э. Х., Бекенова Л. М., Сейтхамзина Г. Ж. Ретроспективный анализ этапов урбанизации и тенденций развития городов в Казахстане // Вестник университета Туран. 2022. № 3 (95). С. 83–94. <https://doi.org/10.46914/1562-2959-2022-1-3-83-94>.
7. Горохов С. А. География религий: Циклы развития глобального конфессионального пространства. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. 235 с.
8. Джолдыбаев Ж. Т., Мулдахметова Ж. Е. Динамика численности городского населения в Казахстане в период 1920–1930 гг. // Вестник науки Южного Казахстана. 2018. № 2 (2). С. 109–113.
9. Жаркенова А. М. Социально-демографическое развитие во второй половине XX в. (на примере Северного Казахстана) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2010. № 3. С. 109–114.
10. Зимовина Е. П. Динамика численности и состава населения Казахстана во второй половине XX в. // Демоскоп Weekly. 2003. № 103–104.
11. Игнатьева Л. Н. Влияние миграции на этнодемографическую ситуацию в Казахстане в 30–90-е гг. XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2020. № 5 (115). С. 85–90. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2020\)5-12](https://doi.org/10.14258/izvasu(2020)5-12).
12. Игнатьева Л. Н. Миграционные процессы в Казахской ССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2005. № 4 (37). С. 38–40.
13. Игнатьева Л. Н. Миграция как фактор формирования населения Казахской ССР в 40–50-е гг. XX в. // Общество: философия, история, культура. 2023. № 6 (110). С. 136–140. <https://doi.org/10.24158/fik.2023.6.20>.
14. Игнатьева Л. Н. Роль миграции в формировании населения Казахстана (1926–1959 гг.). Усть-Каменогорск, 2015. 221 с.
15. Игнатьева Л. Н. Формирование населения Казахстана в конце 40-х — 50-е годы XX в. // Восточные исследования на Алтае. 2014. № 8. С. 145–158.
16. Кроток Р. Н., Теренина Н. К. Динамика контактных зон христианского и нехристианского населения России в XVIII — начале XX вв.: картографический анализ // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2023. Т. 16. № 3. С. 34–44.
17. Кушубеков А. Т. Основные тенденции в трансформации этнической структуры населения регионов Кыргызстана в советский и постсоветский периоды // Наука и новые технологии. 2008. № 7–8. С. 75–78.
18. Лобанов В. Б., Ищенко М. Г. Освоение целины как продолжение переселенческой политики царской администрации // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 71–4. С. 77–80. <https://doi.org/10.18411/lj-03-2021-139>.
19. Манаков А. Г. Выделение основных элементов территориальной структуры этнокультурного пространства Азиатской России конца XIX столетия // Известия Иркутского государственного университета. Серия Науки о Земле. 2023. Т. 45. С. 68–79. <https://doi.org/10.26516/2073-3402.2023.45.68>.

20. Манаков А. Г. Основные тренды в трансформации этнического пространства Центрально-Азиатского макрорегиона с 1897 по 2017 г. // Региональные исследования. 2020. № 1 (67). С. 53–64. <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2020-1-5>.
21. Манаков А. Г., Хохрин А. Г. Динамика численности титульных народов республик Центральной Азии в XX — начале XXI вв. // Этнодемографические и этнокультурные процессы в России и мире: тенденции, перспективы, модели и прогнозы. Материалы Международной научно-практической конференции. Псков: Псковский государственный университет, 2020. С. 95–108.
22. Молдагазинова Ж. М. Формирование полиэтничного состава населения Восточного Казахстана и его влияние на языковую динамику в регионе в 1920–1990-е гг. // Востоковедные исследования на Алтае. 2016. № 10. С. 41–45.
23. Мукомель В. И. Урбанизация Средней Азии и проблемы социально-экономического развития региона // Проблемы освоения пустынь. 1988. № 5. С. 45–50.
24. Николаева Е. Д. Опыт оценки изменения метаэтнической неоднородности территорий Центральной Азии с 1970 по 1989 годы // Псковский регионологический журнал. 2024. Т. 20. № 3. С. 69–85. <https://doi.org/10.37490/S221979310031656-4>.
25. Николаева Е. Д., Хайдаров Н. Ф. Территориальные различия в этнической мозаичности Среднеазиатского региона в начале XX века // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. 2024. Т. 17. № 3. С. 50–65.
26. Теренина Н. К., Владыкин Б. А. Развитие зон контакта с основными народами Урало-Поволжья на протяжении XIX века // Псковский регионологический журнал. 2023. Т. 19. № 3. С. 90–107. <https://doi.org/10.37490/S221979310027007-0>.
27. Теренина Н. К., Кроток Р. Н. Использование индекса религиозной контактности в изучении пространственно-временной динамики конфессионального пространства Российской империи // Религиоведение. 2024. № 1. С. 120–130. https://doi.org/10.22250/20728662_2024_1_120.
28. Чумак Е. В. Социальные механизмы управления миграционными потоками в СССР в период после ВОВ (1945–1953 гг.) // Russian Economic Bulletin. 2021. Т. 4. № 5. С. 93–99.
29. Эккель Б. М. Определение индекса мозаичности национального состава республик, краёв и областей СССР // Советская этнография. 1976. № 2. С. 33–39.
30. Gabdulina A. Z. H. Demographic and migration processes in Kazakhstan in the second half of XX — early XXI centuries // American Scientific Journal. 2017. No. 14. P. 58–62.
31. Manakov A. G. Main Trends in the Transformation of the Ethnic Space of the Central Asian Macroregion from 1897 to 2017 // Regional Research of Russia. 2020. No. 10. P. 574–582. <https://doi.org/10.1134/S2079970520040176>.
32. Sametova G., Alpysbes M. History of urbanization of Kazakhstan in XVIII–XIX centuries in the conditions of transformation of the traditional Kazakh society // Bulletin of the Karaganda university. History. Philosophy Series. 2018. Vol. 89. No. 1. P. 57–62.

References

1. Abdurazakov M. F. (2019), The influence of Soviet power on the urbanization process in Kazakhstan (second half of the 20th century), *Historical demography*, no. 2 (24), pp. 57–62. (In Russ.).
2. Aidarbaeva R. K. (2019), Demographic consequences of virgin land development in Kazakhstan, *Political and socio-economic development of Siberia and adjacent territories in the 40s–90s of the 20th century. Proceedings of the All-Russian scientific conference dedicated to the 90th anniversary of the birth of the Soviet statesman and political figure Mikhail Vasilyevich Karamaev*, Gorno-Altai, Gorno-Altai State University, pp. 84–93. (In Russ.).
3. Alekseenko A. N., Aubakirova Zh. S. (2017), Population of Kazakhstan in the 50–80s of the twentieth century: demographic explosion and features of ethnosocial evolutions, *Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, philology*, vol. 16, no. 8, pp. 127–142. (In Russ.).
4. Alekseenko N. V., Alekseenko A. N. (1999), *Population of Kazakhstan for 100 years (1897–1997)*, Ust-Kamenogorsk, 157 p. (In Russ.).
5. Aubakirova Zh. S., Omyrzak T. E., Stolyarova E. O., Sarsembayeva G. A., Alekseenko A. N., Kenzhebaev G. K. (2022), Demographic development of Kazakhstan in the second half of the twentieth — early

- twenty-first centuries: contradictions and risks, *Questions of History*, no. 10–2, pp. 186–197. (In Russ.). <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202210Statyi50>.
6. Akhatova E. Kh., Bekenova L. M., Seitkhamzina G. Zh. (2022), Retrospective analysis of the stages of urbanization and urban development trends in Kazakhstan, *Bulletin of Turan University*, no. 3 (95), pp. 83–94. (In Russ.). <https://doi.org/10.46914/1562-2959-2022-1-3-83-94>.
 7. Gorokhov S. A. (2020), *Geography of Religions: Development Cycles of the Global Religious Landscape*, Moscow, UNITY-DANA, 235 p. (In Russ.).
 8. Dzholdybaev Zh. T., Muldakhmetova Zh. E. (2018), Dynamics of the urban population in Kazakhstan in the period 1920–1930, *Bulletin of Science of South Kazakhstan*, no. 2 (2), pp. 109–113. (In Russ.).
 9. Zharkenova A. M. (2010), Social and demographic development in the second half of the twentieth century (on the example of Northern Kazakhstan), *Historical and social-educational thought*, no. 3, pp. 109–114. (In Russ.).
 10. Zimovina E. P. (2003), Dynamics of the number and composition of the population of Kazakhstan in the second half of the twentieth century, *Demoscope Weekly*, no. 103–104. (In Russ.).
 11. Ignatieva L. N. (2020), The influence of migration on the ethno-demographic situation in Kazakhstan in the 30–90s 20 century, *News of Altai State University*, no. 5 (115), pp. 85–90. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2020\)5-12](https://doi.org/10.14258/izvasu(2020)5-12).
 12. Ignatyeva L. N. (2005), Migration processes in the Kazakh SSR during the Great Patriotic War (1941–1945), *Bulletin of the Altai State University*, no. 4 (37), pp. 38–40. (In Russ.).
 13. Ignatyeva L. N. (2023), Migration as a factor in the formation of the population of the Kazakh SSR in the 40–50s of the twentieth century, *Society: philosophy, history, culture*, no. 6 (110), pp. 136–140. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/fik.2023.6.20>.
 14. Ignatyeva L. N. (2015), *The role of migration in the formation of the population of Kazakhstan (1926–1959)*, Ust-Kamenogorsk, 221 p. (In Russ.).
 15. Ignatyeva L. N. (2014), Formation of the population of Kazakhstan in the late 40s — 50s of the 20 century, *Oriental studies in Altai*, no. 8, pp. 145–158. (In Russ.).
 16. Krotok R. N., Terenina N. K. (2023), Dynamics of contact zones of the Christian and non-Christian population of Russia in the 18th — early 20th centuries: cartographic analysis, *Bulletin of the Pskov State University. Series “Natural and physical and mathematical sciences”*, vol. 16, no. 3, pp. 34–44. (In Russ.).
 17. Kushubekov A. T. (2008), Main trends in the transformation of the ethnic structure of the population of the regions of Kyrgyzstan in the Soviet and post-Soviet periods, *Science and new technologies*, no. 7–8, pp. 75–78. (In Russ.).
 18. Lobanov V. B., Ishchenko M. G. (2021), Development of virgin lands as a continuation of the resettlement policy of the tsarist administration, *Trends in the development of science and education*, no. 71–4, pp. 77–80. (In Russ.). <https://doi.org/10.18411/lj-03-2021-139>.
 19. Manakov A. G. (2023), Selecting the Main Elements of the Territorial Structure of the Ethnocultural Space of Asian Russia at the end of the 19th Century, *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Earth Sciences*, vol. 45, pp. 68–79. (In Russ.). <https://doi.org/10.26516/2073-3402.2023.45.68>.
 20. Manakov A. G. (2020), Main Trends in the Transformation of the Ethnic Space of the Central Asian Macrorregion from 1897 to 2017, *Regional Studies*, no. 1 (67), pp. 53–64. (In Russ.). <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2020-1-5>.
 21. Manakov A. G., Khokhrin A. G. (2020), Dynamics of the number of titular peoples of the Central Asian republics in the 20th — early 21st centuries, *Ethnodemographic and ethnocultural processes in Russia and the world: trends, prospects, models and forecasts. Proceedings of the International scientific and practical conference*, Pskov, Pskov State University, pp. 95–108. (In Russ.).
 22. Moldagazinova Zh. M. (2016), Formation of the multiethnic composition of the population of Eastern Kazakhstan and its influence on linguistic dynamics in the region in the 1920–1990s, *Oriental studies in Altai*, no. 10, pp. 41–45. (In Russ.).
 23. Mukomel V. I. (1988), Urbanization of Central Asia and problems of socio-economic development of the region, *Problems of Desert Development*, no. 5, pp. 45–50. (In Russ.).
 24. Nikolaeva E. D. (2024), Experience of assessing changes in metethnic heterogeneity of Central Asia territories from 1970 to 1989, *Pskov Journal of Regional Studies*, vol. 20, no. 3, pp. 69–85. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.37490/S221979310031656-4>.

25. Nikolaeva E. D., Khaidarov N. F. (2024), Territorial differences in the ethnic mosaic of the Central Asian region at the beginning of the 20th century, *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Estestvennye i fiziko-matematicheskie nauki* [Bulletin of the Pskov State University. Series “Natural and physical and mathematical sciences”], vol. 17, no. 3, pp. 50–65. (In Russ.).
26. Terenina N. K., Vladykin B. A. (2023), Development of zones of contact with the indigenous peoples of the Ural-Volga region during the 19th century, *Pskov Journal of Regional Studies*, vol. 19, no. 3, pp. 90–107. (In Russ.). <https://doi.org/10.37490/S221979310027007-0>.
27. Terenina N. K., Krotok R. N. (2024), Using the index of religious contact in the study of the spatio-temporal dynamics of the confessional space of the Russian Empire, *Religious Studies*, no. 1, pp. 120–130. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/20728662_2024_1_120.
28. Chumak E. V. (2021), Social mechanisms for managing migration flows in the USSR in the post-WWII period (1945–1953), *Russian Economic Bulletin*, vol. 4, no. 5, pp. 93–99. (In Russ.).
29. Ekkel B. M. (1976), Determination of the mosaic index of the national composition of the republics, territories and regions of the USSR, *Soviet ethnography*, no. 2, pp. 33–39. (In Russ.).
30. Gabdulina A. Z. H. (2017), Demographic and migration processes in Kazakhstan in the second half of 20th — early 21st centuries, *American Scientific Journal*, no. 14, pp. 58–62.
31. Manakov A. G. (2020), Main Trends in the Transformation of the Ethnic Space of the Central Asian Macregion from 1897 to 2017, *Regional Research of Russia*, no. 10 (4), pp. 574–582. <https://doi.org/10.1134/S2079970520040176>.
32. Sametova G., Alpysbes M. (2018), History of urbanization of Kazakhstan in 18th–19th centuries in the conditions of transformation of the traditional Kazakh society, *Bulletin of the Karaganda university. History. Philosophy Series*, vol. 89, no. 1, pp. 57–62.

Сведения об авторе

Николаева Евдокия Дмитриевна — младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории кроссрегиональных и трансграничных исследований, Псковский государственный университет, аспирант кафедры географии, Псковский государственный университет, г. Псков, Россия.

E-mail: evdokiyageo@yandex.ru

ORCID: 0009-0006-9788-9994

About the author

Evdokia Nikolaeva, Junior Researcher, Research Laboratory for Cross-Regional and Transborder Studies, PhD student of the Department of Geography, Pskov State University, Pskov, Russia.

E-mail: evdokiyageo@yandex.ru

ORCID: 0009-0006-9788-9994

Поступила в редакцию 07.08.2024 г.

Поступила после доработки 10.09.2024 г.

Статья принята к публикации 30.10.2024 г.

Received 07.08.2024.

Received in revised form 10.09.2024.

Accepted 30.10.2024.